

Мария Магдалена фон Лош, более известная миру как Марлен Дитрих, стала легендой еще при жизни. Поклонники Марлен Дитрих в России могли узнать о ее жизни и работе в кино из многих изданий. Одними из первых у нас появились «Размышления» самой Марлен — их перевела на русский язык в начале 80-х Майя Кристалинская. Совсем недавно в серии «Мой XX век» вышла еще одна книга, написанная Дитрих, — ее размышления о жизни, переписка с друзьями. Очень любопытна монография Стивена Баха, только что выпущенная в серии «Женщина-миф». Но мы предлагаем вам сегодня отрывок из совершенно особенной книги. Ее написала дочь актрисы — Мария Рива (в 1924 году Дитрих вышла замуж за ассистента режиссера Рудольфа Зиберга, через год и появилась на свет Мария). Западная критика сочла книгу «Моя мать, Марлен» чрезвычайно субъективной и полной скандальных откровений. Но тем не менее она остается подробнейшей биографией Дитрих, образ жизни которой был далек от общепринятого. И к тому же написанной человеком, который знал актрису так, как не знал ее никто.

Роль несчастного мужа была поручена Герберту Маршаллу, а обольстителя-любовника, богатого покровителя падшей женщины, должен был играть Кэри Грант, снимавшийся до этого только во второстепенных ролях. Но работа не начиналась. Боисам студии не нравился финал фильма с его критическим пафосом. Они настаивали на изменениях. Мне известно только, что вариант Штернберга принят не был. Это задело его, но он ничего не желал менять. Фильм могли передать другому ре-

га: их сближала тоска по родине. Я не могла не ощущать постоянной ностальгии моей матери по далеким берегам Европы.

Дитрих и Шевалье были звездами «Парамаунт», и, конечно же, киностудия опубликовала фото Марлен в объятиях Мориса. Газеты и журналы быстро ухватились за эту новость и намеревались распространить снимок по всему свету. Отец телеграфировал из Европы и просил разрешения использовать его для рекламы компании «Политор» — фирмы пластинок, выпускавшей песни Марлен. Матери пришлось объяснять ему весьма щекотливую ситуацию: «Папочка, я могу подписать эту карточку для «Политора», но не могу выслать негативы. Джо пришел ночью в студию, вытащил их из архива и сжег. При этом он обвинил меня в неверности и упрекал, что я поставила его намеренно в неловкое положение. Он назвал меня шлюхой и спросил, спала ли я с Морисом. Я просто не в состоянии переносить его ревность...».

В качестве доказательства того, что она пережила, Марлен вложила в конверт извинения Штернберга: «Моя дорогая, женщина, которую я так искренне люблю! Очень сожалею о том, что сказал тебе. Ты не заслужила таких обвинений, а мое поведение было неблаговидно и неразумно. Я сбился с верного пути, вступив на дорогу ошибок. Я не сделал еще ничего, чтобы заслужить твоё уважение, и — мало, чтобы его приобрести. Нужно платить за каждое некрасивое слово. Я сделаю это. Джо».

Поскольку теперь моя мать не работала, мы стали часто выезжать на природу. Мы даже смотрели, как обычные зрители, фильмы в кинотеатрах, а не в студии, как всегда. Разумеется, мы никогда не покупали билеты, и менеджеры вводили нас в зал тайком через боковую дверь, когда уже гасли огни. Мать никто не должен был узнать, мы не смотрели фильм до конца — нужно было выскользнуть до того, как зажегся свет.

Это была приятная жизнь. Тогда мы часто ездили к океану. Мне особенно нравилось наслаждаться свежим ветром и волнами, разглядывать чаек и далекий горизонт. Марлен никогда не сидела на солнце и не только из-за своей профессии, но и из-за того, что ей не нравилась темная кожа. Она считала, что загар хорош только для мужчин. И потому чаще мы приезжали уже при заходе солнца.

Еще в то время, когда Дитрих работала в Европе, в нашем берлинском доме начала часто бывать ее подруга — Тамара. Мои родители называли ее обычно Тами. Она выглядела точно так, как я представляла себе русских белоэмигрантов: высокие славянские скулы, стройная фигура тан-

Было уже поздно, и мы отправились ужинать в ночной клуб. Здесь нас ожидало зрелище получше парижской оперы! Дверь машины открыл громадный казак. На нем была настоящая папаха, а на широких плечах висел башлык. Он предвосхищал то, что таилось внутри — царская Россия, плач балалаек, горящие кусочки мяса на острых рапирах. Атмосфера старой России очаровывала мою мать. Драматическая судьба «белых русских», их бегство от террора большевистской революции волновали ее. При этом Марлен представляла эту историю по сценарию Л. Толстого с режиссурой С. Эйзенштейна.

Дитрих романтизировала Россию. Она всегда мечтала сыграть Анну Каренину и именно потому невзлюбила Гарбо, что эта роль досталась ей. Марлен никогда не смотрела ее фильмы. Она часто отождествляла себя с героинями, «умирающими за свою любовь». Сомневаюсь, что в реальной жизни моя мать могла кого-то так любить, чтобы броситься под поезд. Но то, что она воображала себя способной сделать это, — я уверена. Еще задолго до того, как Дитрих снялась в роли императрицы Екатерины, она создала свой образ России. В этом вымысле были и казаки на необъезженных лошадях, и тоскующий зов балалаек, и целующиеся пары в медвежьих шубах, мчащиеся в ярких, расписных санях по сибирским просторам, и розовощекие крестьяне, поющие печальные славянские песни. Ни идеи Маркса, ни режим Сталина не могли повлиять на ее лирический образ «матушки-России».

Оборона Сталинграда только подкрепила ее уверенность в русских. Когда мы, американцы, ликовали по поводу стойкости наших союзников, Дитрих находила в этих событиях подтверждение своих симпатий, а ее триумфаль-

М. Дитрих, Д. Натан и Э. Хемингуэй

ная поездка в 1964 году в Советский Союз подтвердила это уважение. Сообразно с ним всем присутствовавшим следовало оставлять при себе свое мнение о коммунизме, дабы не подвергнуться в очередной раз поучениям: «Только русские умеют обращаться с артистами! Только они по-настоящему понимают нас.

М. Дитрих с дочерью Марией
многочисленной, приходящей в ужас публикой, а мать наслаждалась эффектом.

...«ИЛЬ ДЕ ФРАНС» светилась ночными огнями, подобно флакону драгоценных духов. Пароход был гордостью французского судоходства. Соперники — корабли подобного класса — у него появились позднее и, прежде всего, громадная «Нормандия». Но тогда она еще стояла в верфи, а «Иль де Франс» завораживала, обольщала и принимала комплименты. Именно здесь, в ресторане, на импозантной лестнице парохода, весной 1934 года состоялась знаменитая встреча.

Эрнест Хемингуэй и Марлен Дитрих впервые увидели друг друга на приеме в «Иль де Франс». Обычно об этом событии рассказывают так: Марлен спустилась в белом роскошном платье с открытой спиной, сияя бриллиантами. Тонкая, стройная, она приблизилась к столу приглашенных и вдруг заметила, что оказалась тринадцатой. Дитрих была суверена... Внезапно перед ней выросла фигура молодого мужчины в плохо сидящем смокинге: «Не беспокойтесь, мисс Дитрих, я буду четырнадцатым».

Поскольку роман «В чужой стране» уже был напечатан и имел успех, а затем куплен Голливудом для экранизации с участием самого Гарри Купера и Эллен Хайес и его автор возвращался со своего первого сафари, можно предположить, что Хемингуэй к тому времени имел собственный смокинг и мог себе позволить путешествие в первом классе. Это был прием, на котором Дитрих появилась одна, вероятно, желая познакомиться с человеком, чьи кни-

ОТ КАК ЕЕ ЛЮБИЛИ!

«ШАНХАЙСКИЙ экспресс» вышел на экраны и встретил недобрую критику американской прессы. Но у режиссера Джозефа фон Штернберга уже готов был новый сценарий. На этот раз — сюжет о женщине, волею судьбы пустившейся во все тяжкие. Марлен должна была сыграть романтическую историю добродетельной матери, самоотверженной жены, опустившейся до уличной потаскушки и вульгарной певицы ночного кабаре. Я считала, что Штернберг немножко утрирует, но Дитрих нравилась актерская задача, и она была в восторге. Студия «Парамаунт» утвердила фильм под названием «Белокурая Венера», ставшим потом маркой Марлен в Америке.

С Джоозефом фон Штернбергом.
Съемки фильма «Обещанная». 1931 год

Веч. Москва. — 1997. — 6 нояб. — с. 6

жиссеру, однако Марлен наотрез отказалась работать с кем бы то ни было. И Штернберг был ей глубоко благодарен. 29 апреля 1932 года кинокомпания официально объявила: «Дитрих отстраняется от роли, так как не соблюдает условия договора. В «Белокурой Венере» ее заменит Тэлала Бенкхид». Новая дива вскоре проговорила: «Я всегда мечтала предстать в «мужском костюме» Дитрих». Тем самым она не приобрела благосклонности ни «Парамаунт», ни американской Лиги нравственности, но весьма позабавила Марлен. Киностудия продолжала укрощать строптивца — ее адвокаты потребовали от Штернберга возместить убытки в размере 100000\$. На что последовал только саркастический ответ: «Всего-то!».

Большинство голливудских звезд, получив увольнение, ударялось в панику. Их доходы не были стабильны, карьера скользяла по тонкому льду, а будущее всегда представлялось неясным. Другое дело — моя мать! Она много спала, приводила в порядок дом, весь день пекла, готовила что-то для целой армии, а вечером одевалась и отправлялась танцевать с Морисом Шевалье. Правда, Марлен немного сердилась на него. Она видела, как на съемках он строил глазки Джанетт Макдональд. Но все-таки прощала ему — он так отлично танцевал, и слишком глупо всерьез на это злиться. Конечно, все их видели, разумеется, они фотографировались щека к щеке. Шевалье таял от ее внимания, а Штернберг ревновал. Однажды ночью Джо ждал мою мать у нас в доме, пока она не вернулась. Их словесная баталия разбудила и меня, и Тедди, примчавшегося из своего собачьего домика ко мне в комнату.

«О, господи! — думала я. Зачем же она так злит его? Он так много делает для нее. Он подарил ей великолепный сапфир — прекрасный, как моя рождественская елка! Да, он страстно любил ее. Почему бы ей не быть нежнее с ним?».

Я не очень симпатизировала Шевалье, но тем не менее понимала, в чем его преимущество. Он был таким «неамериканским»! Даже мой отец признавал его обаяние. Среди всего «американского» иностранцы искали друг дру-

говщицы, длинные русые волосы и темно-коричневые глаза серны. В моей детской фантазии я видела красивую русскую аристократку, отчаянно убегающую по белым сибирским снегам от голодных волков. Я ведь была дочерью Марлен Дитрих! Мягкое немецкое произношение Тами с русским акцентом звучало, как мурлыканье довольного котенка. Я находила ее чудесной, но самым замечательным была ее удивительная искренность! Она никогда не притворялась, не лгала, не симулировала. В те годы ее смех бил ключом. Казалось, внутри ее — какой-то источник счастья! В моем детстве Тами была единственным близким другом, человеком, которого я нежно любила. Я знала, что отцу она очень нравится, я знала также, что Тами любит его. Тогда я не предполагала, что эта любовь будет стоить ей очень дорого... Тами была рядом со мной отцом всю жизнь, и Марлен принимала это.

Обычно, когда мать не снималась в Америке, она отправлялась в Париж. Отец, постоянно живший в Европе, выбирал шикарный отель, достойный ослепительной голливудской звезды. Расходы на эти путешествия входили, как правило, в условия договора на запись песен Марлен.

На этот раз в прессе распространились слухи, что «отцы города» намерены воспрепятствовать появлению Марлен Дитрих в Париже из-за ее попиравшего все условности «мужского костюма». Кое-кто говорил, что ей запретят появляться в нем на Елисейских полях и бульварах города. Было ли это правдой или только блистательным рекламным трюком, неизвестно. Во всяком случае, французская пресса начала жадно смаковать эту тему — видимо, трюк был таким уж плохим. Впрочем, я знаю наверняка, что среди наших знакомых эта история обсуждалась только как забавный анекдот, а не как личный выпад против Дитрих. Если бы кто-то и отважился запретить Марлен появляться в «неприличном костюме» на улицах Парижа, это вызвало бы не только веселые ухмылки и резкие насмешки, но и бурю негодования...

Все они так интеллигентны! Они чувствуют сердцем, постигают душой. Американцам нужно только учиться у них. Американцам так часто промывали мозги — от страха перед Россией они дрожат в своих постелях!».

«Распутин»-половой подошел к нам, поклонился и стал терпеливо ждать заказа. В русском ресторане выбирать было легче, чем во французском. Дискуссия о вине оказывалась излишней, обычно предлагалась водка, а вместо привычной закуски — икра. Водка подавалась холодной, свежую икру приносили тотчас, и мы ели ее маленькими ложечками из слоновой кости или перламутра.

«Мамочка, — говорил театрально отец, — холодный борщ с киевскими клецками...». Я нагружала тем временем в свою тарелку гору икры. Поскольку мать имела твердые представления о русской кухне — Тами многому ее научила, — требовалось время, прежде чем родители приходили к согласию.

Мне нравилось наблюдать, как другие гости ресторана пили русскую водку. Большим и средним пальцами обхватив до краев наполненную рюмку, они быстрым движением опрокидывали ее в горло. Рюмка быстро ставилась на стол. Потом — смачное кхеканье, и гость закусывал. Я наполняла свою рюмку водой и делала то же самое. Мое кхеканье было достойно Сары Бернар.

«Папочка, посмотри, что делает ребенок! Дорогая, где ты этому научилась?». Мать хотела, чтобы я еще раз повторила всю сцену. Это смешило ее. «Ты видел? Маленькая дочь Марлен Дитрих пьет водку!» — прошептал шокированный голос за соседним столом. Марлен вдруг заметила, какую реакцию вызывают она и ее ребенок. «Дорогая, — проговорила она, — сделай это еще раз! Они наверняка поверят, что я разрешаю тебе пить водку. Я уже вижу аршинные буквы газет: «Что позволяет звезда своему ребенку? Дочь Дитрих пьет русскую водку в парижском ночном ресторане!».

С этого момента я разыгрывала свою маленькую сцену каждый раз, когда мы приходили в русский ресторан. Я играла обычно перед

гами восхищалась. Потому она надела высококастежное платье из черного шелка с бриллиантовой брошью и, конечно, не с открытой спиной, а с длинными рукавами. Это вторая версия. Наконец, последняя: она была одета для камерного вечера, а не для публичного «выступления в Фоли Бержер». Может быть, первая версия лучше? Во всяком случае, она больше подходит для этих «живых легенд». Когда встречаются истина и вымысел, рождается чудесная сказка! Свою легенду они создадут вместе.

Верно, что Дитрих и Хемингуэй стали близкими друзьями. Она называла его «папа», а он ее — «капуста». Так обычно говорил он приятельницам своего круга, которыми восхищался. Совершенно неверно, что они когда-либо были любовниками. В то же время правда, что он заставлял всех верить в это, а она совсем не сердилась на него. Марлен даже помогала распространять этот миф. Она резко отвергла все намеки, создавая впечатление, что они когда-то действительно были любовниками или еще могли сохранять эти отношения. Для матери Хемингуэй был отважным корреспондентом, смельчаком-охотником на хищных зверей и одиноким философом. Она принимала его таким и безотчетно верила ему. Марлен всегда почитала все его фантазии, боготворила его и была убеждена, что она лучший его друг. Он же восхищался ее интеллигентностью и шармом, с застенчивой гордостью греясь в лучах ее любви. Когда этот грустный и нежный человек принял в 1961 году страшное решение и покончил счеты с жизнью, моя мать в отчаянии спрашивала: «Зачем он сделал эту глупость?». Его письма к Марлен часто были полны тревоги. С разрешения вдовы некоторые я опубликовала. Письма, как и мужчины их написавший, чудесны!

Композиция по книге
Maria Riva «Meine Mutter,
Marlen, Munchen, 1992»
и перевод с немецкого
Елены РАЧЕВНОЙ
(публикуется впервые)